

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

СЕРИЯ «ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

М. И. Гиллельсон

От арзамасского
братства
к пушкинскому
кругу
писателей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Л е н и н г р а д
1977

На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. . .

Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жан-дармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга.

Тогда начали мерить числом и мерой, судить порхающих отцов; отцы были осуждены на казнь и бесславную жизнь.

Ю. Н. Тынянов Смерть Вазир-Мухтара.

Ответственный редактор

Н. В. Измайлов

ВСТУПЛЕНИЕ

«Бесславная» жизнь отцов обернулась их бессмертием.

Пушкин принадлежал к поколению отцов. Немилость к поэту началась за пять лет до залпов на Сенатской площади.

От его дерзких эпиграмм бледнел в ярости Александр I.

От его вольнодумных стихов пьянели беспшабашные головы юных поручиков.

Читал свои нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Царевбийственный кивжал.

Ссылка на Юг.

Ссылка в Михайловское.

Лето 1826 года. По всей стране разносится звон московских колоколов; в древней столице торжество — коронация Николая I.

В запыленном платье, — прямо из дорожной коляски, — стоит Пушкин перед новым императором.

Николай I величественно, со снисходительной улыбкой, прощает поэту грехи его молодости. Кто старое помянет, тому глаз вон; ведь старое было не при нем, а при его брате; тем легче поставить крест над былым.

Николай I обещает реформы. Отставлен Аракчеев. Отправлены на покой многие сановники александровского

царствования. Но легче сменить десяток министров, нежели осуществить одну социальную реформу.

Пуще всех напастей русский император боится гласности. Создан секретный комитет 6 декабря 1826 года. Тайно, в священной типине кабинетов вынашивается проект реформ.

Пушкин был осведомлен о деятельности секретного комитета. «Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра, — сообщал Пушкин Вяземскому 16 марта 1830 года. — Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу» (XIV, 69).¹

«Контрреволюция революции Петра» и действия «в смысле европейского просвещения» — понятия, на наш взгляд, несовместные. Пушкин же мыслил иначе. Противник петровской табели о рангах, поэт мечтал об «ограждении дворянства» от проникновения в него выходцев из других сословий. По его убеждению, старинное независимое дворянство должно было повести страну по пути европейского просвещения.

Николай I не решился избрать путь социальных реформ, и Пушкину не пришлось «пуститься в политическую прозу». Но кто точно знал в те дни, какой политический курс изберет император?

Ведь в комитете 6 декабря 1826 года секретно обсуждался самый больной вопрос русской социальной системы — вопрос о крепостном праве; пытались решить головоломное уравнение со многими неизвестными — как провозвести отмену крепостного права без потрясения основ самодержавия. И тогда-то за кулисами русской политической жизни возникает фигура экс-арзамасца Уварова.

Умный царедворец, Уваров не спешил выдвинуться вперед в начале царствования Николая I. Он видел, что

государственный корабль еще не имеет твердого курса. Уваров продолжает президентствовать в Академии наук, путешествует по России, посылает царю письменные донесения о злоупотреблениях местной администрации, участвует в работе комитета по пересмотру цензурного устава и даже выступает там в поддержку либерального регламента для печати. Еще идут 1826—1828 годы, и ему не ясно, прогресс или застой одержит верх в предначертаниях Николая I.

Уваров не торопится занять государственный пост. Он хорошо запомнил урок, преподанный ему в начале 1820-х годов: после разгрома столичного университета он вынужден был покинуть пост попечителя петербургского учебного округа. Тогда он потерпел фиаско. Так лучше теперь семь раз примерить, перед тем как один раз отрезать. И Уваров терпеливо ждет. Лишь в середине 1831 года он решает, что пробил его час.

Уваров пишет пространный меморандум «De la servitude personnelle en Russie» — «О личном рабстве в России». Надо отдать должное дипломатическим способностям автора: меморандум составлен столь тонко, что, кажется, вот-вот порвется. Но казуистическая одаренность Уварова помогает ему благополучно миновать все препятствия. Ему удается обосновать и сформулировать именно те мысли, которые хотелось услышать Николаю I.

«Личное рабство, — писал Уваров, — не обнаруживается в наших старинных установлениях. Наши предки придерживались феодальной системы, почерпнутой из духа германских законов, со всеми выгодами и недостатками ее, со всеми хорошими и плохими политическими последствиями ее, вплоть до того момента, когда татарское нашествие сокрушило все то, что существовало в России, извратив дух и моральные принципы народа даже в большей степени, нежели его институты. Эта буря, потрясая Россию, отразилась на всем ее внутреннем устройстве. Когда она вышла из этого разрушительного смерча, то оказалась униженной, изнуренной, изувеченной, с естественной тенденцией к абсолютизму и готовой на любые жертвы ради достижения хоть какой-либо желитической независимости.

С того времени, как власть сконцентрировалась в одних руках, все изменилось; элементы прежнего порядка уступили место новым элементам. Исчезли безвозвратно

¹ Здесь и далее сочинения Пушкина цитируются по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVII. М.—Л., 1937—1959 (римскими цифрами обозначаются тома, арабскими — страницы).

остатки свободного и феодального, которые еще были в правах. Высшая власть, вынужденная необходимостью, избрала первыми жертвами республиканские установления, проихсхождение которых теряется у истоков нашей истории. <...>

Нужно сказать откровенно: личное рабство не может быть, в принципе, оправдано никаким точным и разумным аргументом. Излишне выдвигать против него обвинения, которые никто не станет оспаривать, или высказывать набившие оскомину язвительные насмешки. Из этой очевидной истины вытекает принцип не менее определенный: личное рабство может и должно быть уничтожено.²

Однако категоричность этого вывода не мешает Уварову привести далее самые разнообразные доказательства того, как трудно и небезопасно в настоящее время приступить к отмене крепостного права. И наконец следует заключительный вывод, не блещущий новизной; Уваров повторяет то, что уже столько раз было говорено в XVIII веке: сначала просвещение, а затем — не уточняя когда же наступит это долгожданное «затем» — освобождение крестьян. Софистический круг благополучно замкнулся!

Уваров делает блистательную карьеру, он становится товарищем министра, а затем — в данном случае «затем» okazалось синонимом «вскоре» — министром народного просвещения и ближайшим советником Николая I.

Далеко, очень далеко разошлись дороги арзамасцев. События 14 декабря 1825 года по-разному отразились на их судьбе.

Никита Муравьев отправлен на каторгу в Сибирь.

Николай Тургенев, заочно приговоренный к смертной казни, лишился родины, стал политическим изгнанником.

Михаила Орлова выслали на жительство в его имение.

Пушкин, Вяземский, Денис Давыдов, Александр Тургенев были оставлены под подозрением.

Карамзин скончался в мае 1826 года.

Дмитриев и Василий Львович Пушкин доживали свой век в Москве.

В гору пошли дипломаты — Блудов, Дашков, Уваров заняли министерские посты.

Спокойно, без особых взлетов и падений, продолжали службу Полетика, Северин, Вигель, Жихарев.

Неспокойно, постоянно заступаясь за жертв царских гонений, служил Жуковский.

Декабрьский катаклизм окончательно выявил размежевание внутри арзамасского братства.

Порой дело доходило даже до полного разрыва. «Александр Тургенев встречал графа Блудова у madame Карамзиной. Блудов — воплощенная доброта и совсем не злопыхатный. Он протянул руку Тургеневу, который ему сказал: «„Я никогда не подам руки тому, кто подписал смертный приговор моему брату“. Представь себе всеобщее замешательство, и я там присутствовал. М-ме Карамзина покраснела от негодования и сказала Тургеневу: „Monsieur Тургенев, граф Блудов был близким другом моего мужа, и я не позволю оскорблять его в моем доме. Больше не будет неприятных встреч, слуги будут предупреждены, и когда присутствует граф, то monsieur Тургенев не войдет, и наоборот“. Бедный Блудов вышел со слезами на глазах. Тургенев сказал „Перемените ему фамилию, а то просто гадко: от блуда происходит“. Екатерина Андреевна ему сказала: „Ваши шутки совершенно неуместны в эту минуту“».³

Наряду с размежеванием, обнаружилась и противоположная тенденция. Передовые арзамасцы все теснее сближаются между собою; они образуют ядро новой литературно-общественной группировки, широко известной под именем «писатели пушкинского круга».

Во времена «Арзамаса» Пушкин был талантливым юношей, надеждой русской словесности.

Теперь, десятилетие спустя, Пушкин стал во главе литературы. Ему еще не исполнилось тридцати лет, а он, неоспоримо, уже первый на отечественном Парнасе. Вокруг него собираются лучшие писатели. Среди них мы встречаем арзамасцев — Жуковского, Вяземского, Дашкова, Дениса Давыдова, Александра Тургенева. Но не только арзамасцев. К новому писательскому кругу примыкает лицейский товарищ Пушкина Дельвиг и его литературные друзья; в орбиту писателей пушкинского круга

² Отдел письменных источников Гос. исторического музея, ф. 17, № 87 (подлинник по-французски).

³ Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931, с. 174—175.

постепенно вовлекаются Баратынский, Языков, Погорельский, Катенин, Плетнев, братья Киреевские, Гоголь... На развалинах арзамасского братства вырастает новое литературное содружество.

В его анналах мы не встретим шутивных протоколов; буффонаде дана полная отставка; в его истории отсутствуют какие-либо регулярные заседания — ни с торжественным ритуалом «Беседы», ни с буднично-деловой обстановкой разных обществ любителей словесности.

Все эти формы литературного быта отжили свой век; они не перешагнули за рубеж александровского царствования. Теперь центрами притяжения становятся альманахи, журналы. Литературные соратники встречаются келейно, в своих кабинетах, гостиных, в редакциях журналов. Правда, еще существует Московское общество любителей словесности, а в Московском университетском пансионе происходят собрания, на которых воспитанники читают свои произведения. Но это уже анахронизм. Эпоха литературных обществ безвозвратно миновала.

С 1820 по 1826 год Пушкин был оторван от литературной жизни Москвы и Петербурга. За это время многое изменилось. Скольких писателей недосчиталась столица после декабрьских событий 1825 года! В Москве же появились новые имена. С первых дней пребывания в Москве Пушкин начинает быстро преодолевать свое вынужденное отчуждение от нового поколения писателей. Через полтора месяца после приезда из Михайловского сближение его с кругом любомудров уже дает осязаемый результат: 24 октября 1826 года Пушкин почетный гость на обеде редакции новорожденного «Московского вестника». Однако постепенно наступает взаимное охлаждение. Попытки любомудров воздействовать на творчество Пушкина (стихотворение Д. В. Веневитинова «К Пушкину», шевыревское «Послание к А. С. Пушкину») не дают желанного результата, — им не удается «создать» Пушкина по образу и подобию своих эстетических концепций. Литературно-эстетическая позиция любомудров не находит отклика у Пушкина. Правда, он продолжает интересоваться литературной деятельностью А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, М. П. Погодина, но вся линия «Московского вестника», эстетические пристрастия его издателей, ориентация журнала на немецкую идеалистическую философию и эстетику вынуждают Пушкина

отказаться от деятельного участия в «Московском вестнике».

В те же годы возникают трения между Вяземским и Н. А. Полевым. Ни сотрудничество Вяземского в «Московском телеграфе», ни поддержка Пушкиным «Московского вестника» не привели к прочному союзу. Оба эксперимента окончились неудачей. Слишком чужеродной оказалась литературно-общественная среда, в которой они хотели акклиматизироваться. Вяземский вскоре порывает с Николаем Полевым; издатель «Московского телеграфа» становится антагонистом дворянской культуры, приверженцем французской романтической историографии и электической философии Кузена; Пушкин все больше охладевает к любомудрам. Тактические союзы не выдерживают испытания временем. Начинается тяготение к «своим», к «своему» кругу писателей, к единению, которое было бы органическим и зиждилось бы на близости социальной позиции, на однородном характере общественных притяжений и отталкиваний. Альманах «Северные цветы», вышедший с 1825 года, а затем «Литературная газета» Дельвига становятся средоточием пушкинского круга писателей. К концу 1820-х годов, ко времени издания «Литературной газеты» контуры новой литературной группировки проступают достаточно отчетливо. Она противостоит как органам «торгового» направления Булгарина—Греча, так и различным московским журналам — от третесловного «Московского телеграфа» до архаического «Вестника Европы», цитадели дворянского консерватизма.

Термин «пушкинский круг писателей» встречается в работах, исследующих литературу и литературно-общественные процессы того времени. Но теоретическое обоснование этого понятия отсутствует. Между тем, лишь определив историко-литературное содержание этого термина, можно в должной мере оценить значение литературно-общественной деятельности этого круга писателей.

В книге «Молодой Пушкин и арзамасское братство» (1974) мы пытались рассмотреть жизненную и творческую позицию Пушкина в непосредственной зависимости от его литературного окружения, начиная с Лицея и кончая серединой 1820-х годов. Настоящая работа, являясь логическим продолжением предыдущей, должна развить избранную нами точку зрения и показать на конкретном

материале, каким образом распад арзамасского братства, его социальная дифференциация, столь бурно протекавшая после поражения декабристов на Сенатской площади, привели к созданию новой литературно-общественной группировки, именуемой писателями пушкинского круга. Но прежде всего уточним наше понимание этого термина.

В сословном государстве литература не может не иметь отпечатка сословности. Усложнение сословного характера общества вызывает усложнение литературных процессов, дробление словесности.

В России дифференциация литературных рядов происходит особенно четко со второй трети XIX столетия. До этого времени доминирующее положение в литературе занимали дворянские писатели. Расслоение дворянской идеологии создавало два основных литературных ряда — передовую и консервативную литературу. Конечно, имелись и разночинные, демократические писатели, в той или иной степени соотносящиеся с идеологами западноевропейского третьего сословия. Но их удельный вес в XVIII и в начале XIX века был столь незначителен, что самостоятельного литературного ряда они не составляли, а примыкали, — несмотря на все внутренние расхождения, — к линии передовой дворянской культуры.

Кроме того, демократическая литературная прослойка не была однородна по своей идеологии; частично ее представители находились под влиянием охранительных монархических тенденций, и, таким образом, произведения некоторых разночинных писателей, вопреки отдельным социальным нюансам, приближались к консервативному ряду дворянской культуры.

С течением времени идейная дифференциация, сопутствовавшая творчеству разночинных писателей, привела к общественному размежеванию внутри этой литературной прослойки, равно как и к резкому антагонизму с основными литературными течениями, которые тогда господствовали в отечественной словесности. Со второй трети XIX столетия возникает самостоятельный демократический ряд, явно противостоящий всей дворянской культуре в ее обоих идеологических вариантах. С другой стороны, несколько ранее, примерно с середины 1820-х годов, охранительные тенденции «среднего» сословия все интенсивнее проникают в консервативный ряд дворянской культуры,

лишая его заостренной сословной направленности, трансформируя его идеологическую основу и жанрово-стилистическую ориентацию.

С середины 1830-х годов отличительной особенностью русской литературы является наличие трех литературных рядов. В исторической перспективе, при обособлении демократического ряда, передовая дворянская литература постепенно теряет свою прежнюю социальную позицию и перестает быть главным носителем оппозиционных взглядов. С течением времени эта роль переходит к писателям прогрессивного демократического ряда, а передовые дворянские литераторы вступают в идейный антагонизм с остальными двумя литературными рядами.

У истоков этого длительного антагонизма — столкновение писателей пушкинского круга с «Московским телеграфом», с одной стороны, и с «Северной пчелой» — с другой. И хотя в этом столкновении доминирующее положение еще занимали передовые дворянские писатели, тем не менее надвигающаяся социальная изоляция была неотвратима. И даже литературный престиж Пушкина, Гоголя, Жуковского, Баратынского мог лишь на короткий срок затормозить неумолимый исторический процесс отчуждения передовых дворянских писателей с авансцены отечественной культуры.

Такова социальная природа пушкинского круга писателей и исторические предпосылки его возникновения. Теперь перейдем к характеристике эстетических устремлений этого литературно-общественного течения. При анализе творческой манеры Пушкина, Жуковского, Дельвига, Баратынского, Дениса Давыдова, Вяземского обращает на себя внимание исключительное разнообразие стилей. Возникает вопрос, вправе ли мы столь различных поэтов причислять к одному литературному течению; не преобладают ли в их творчестве такие тенденции, которые исключают возможность называть их литературными единомышленниками. Впрочем, это сомнение относится в равной степени и к прозе: достаточно вспомнить, сколь различны между собой прозаические произведения Пушкина, Одоевского и Гоголя.

Итак, можно ли столь различных писателей объединять в одну литературную группировку? Если рассматривать лишь художественные особенности их творчества, то ответ неминусомо будет отрицательным. Но сущность

проблема состоит в том, что понятие «писатели пушкинского круга» представляет собой прежде всего *социальную* дефиницию. Близость общественных взглядов является той демаркационной линией, которая отделяет писателей пушкинского круга от иных литературных группировок, направлений, течений. Неприятие буржуазно-демократических идей и оппозиция апологетам монархической власти — таковы общественные отталкивания этой литературно-общественной группировки. Общность социальной позиции позволяет нам установить историческую реальность, признать неоспоримым фактом существование пушкинского круга писателей.

Значительно сложнее обнаружить общность художественного видения мира. Ранее, анализируя творчество арзамасцев, мы пришли к выводу о том, что не существовало единой литературной платформы «Арзамаса».⁴ Подобный же вывод напрашивается при рассмотрении литературного наследия писателей пушкинского круга, столь различных по своей стилистической ориентации, по своим художественным принципам, по своим эстетическим устремлениям.

Пушкинский круг писателей, объединивших передовых дворянских писателей, занимал господствующее положение в истории отечественной культуры почти до конца 1830-х годов, точнее говоря, до гибели Пушкина, который являлся центральной фигурой этого движения. Во главе пушкинского круга писателей находились арзамасцы Пушкин, Жуковский и Вяземский; менее заметную роль играли арзамасцы Денис Давыдов, Дашков и Александр Тургенев. Вокруг «арзамасского ядра» постепенно стали группироваться писатели, близкие по своим социальным симпатиям. В первую очередь это литературный круг Дельвига, тяготевший к «Северным цветам». Бесспорно заметное воздействие этого единственного печатного органа передовых дворянских писателей во второй половине 1820-х годов на процесс становления их общественного сознания. Литераторы, тянувшиеся к издателю «Северных цветов», деятельно участвовали в созда-

⁴ Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 103.

нии новой писательской группировки. Помимо «Северных цветов» и «Литературной газеты», они были инициаторами и некоторых других изданий. В 1830 году Н. М. Коншин и Е. Ф. Розен составляют альманах «Царское село», в 1830—1833 годах Е. Ф. Розен выпускает альманах «Альциона». Имена Пушкина, Жуковского, Баратынского, Дельвига, Вяземского, Федора Глинки, Сомова, Деларю постоянно мелькают на страницах этих изданий; анонимно печатаются в них произведения поэтов-декабристов; в «Литературной газете» появляются отрывки из произведений Гоголя; вскоре Гоголь органически входит в пушкинский круг писателей. Из московских изданий этого направления следует указать альманах «Денница», изданный М. А. Максимовичем в 1830, 1831 и 1834 годах, а также журнал И. В. Киреевского «Европеец», запрещенный правительством в начале 1832 года.⁵

Хронология печатных периодических изданий писателей пушкинского круга: «Северные цветы» (1825—1832), «Литературная газета» (1830—1831), «Подснежник» (1829), «Царское село» (1830), «Альциона» (1830—1833), «Денница» (1830—1831, 1834), «Европеец» (1832) — это перечень может быть увеличен за счет неосуществленных замыслов: журнальный проект Пушкина (1831), газета «Дневник» Пушкина (1832), журнальный проект Жуковского (1832), журнальный проект Вяземского (1833) — хронология достаточно точно демонстрирует, что наибольшая активность этой литературно-общественной группировки проявилась в конце 1820-х и в на-

⁵ Об этих изданиях см.: Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. Указатель содержания. М., 1966; Степанов Н. Л. «Литературная газета». — В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Л., 1950, 383—401; Вацуро В. Э. 1) Пушкин и общественно-литературное движение в период последекабрьской реакции. Ситуация 1825—1837 годов. — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.—Л., 1966, с. 217—227; 2) К изучению «Литературной газеты» Дельвига—Сомова. — Временник Пушкинской комиссии. 1965 г. Л., 1968, с. 23—36; Meusegeau J. Baron Delvig's Northern Flowers. 1825—1832. Literary Almanac of the Pushkin Pleiad. London—Amsterdam, 1967; Müller E. Russischer Intellekt in Europäischer Krise. Ivan V. Kireevskij (1806—1856). Köln, 1966; Фришман Л. Г. К истории журнала «Европеец». — РЛ, 1967, № 2, с. 117—126; Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972.

чале 1830-х годов. В эти же годы наиболее интенсивно ведутся споры писателей пушкинского круга по политическим вопросам и историко-философской проблематике; в недрах пушкинского круга писателей появляются в эмбриональном виде идеи славянофильства и западничества.

Завершался первый период царствования Николая I, время, которое можно назвать эпохой несбывшихся преобразований. Отказ правительства от социальных реформ и последовавшее запрещение «Европейца» подвело окончательную черту под этим периодом. Однако имелись и более ранние симптомы, указывавшие на то, что верховная власть боится прогрессивных начинаний, опасается людей с независимыми и передовыми взглядами. Важным эпизод, относящийся к осени 1828 года. В III Отделение пишется записка о намерении Пушкина, Вяземского, В. Ф. Одоевского, братьев Киреевских и некоторых других дворянских писателей издавать в Москве политическую газету «Утренний листок». Власти переполошились. На сей раз тревога оказалась ложной. Но как характерно, что умный фон Фок, правая рука шефа жандармов, сразу же, без малейших колебаний, поверил доносу; ибо этот донос не был единственным: в III Отделении со всех сторон поступали донесения о том, что вокруг Пушкина и Вяземского объединяются независимые писатели. Чиновникам политического сыска стало ясно, что к исходу 1820-х годов в стране возникает новая литературно-общественная группировка — писатели пушкинского круга, многие из которых по своим личным связям и общественным симпатиям имели непосредственное отношение к деятелям декабристского движения.

Этот литературно-полицейский «диагноз» решил вскоре участь «Литературной газеты». Придравшись к четверостишию Казимира Делавиня о Французской революции, Бенкендорф вызвал Дельвига в III Отделение и в недопустимо грубой форме пригрозил сослать его, Пушкина и Вяземского в Сибирь. Бенкендорф хотел усмирить строптивых, независимых дворянских писателей. Пока ему удалось лишь ускорить смерть Дельвига. Потрясенный бесцеремонным тоном Бенкендорфа, Дельвиг впал в душевную депрессию и вскоре скончался.

Шесть лет спустя погибнет Пушкин.

И тем не менее, вопреки подозрительности и угрозам властей, Пушкин и его литературные соратники не капитулируют перед правительством. Они продолжают жить «с веком наравне» и даже пытаются заглянуть в будущее; в 1830-е годы среди них идут острые споры по политическим и историко-философским проблемам. Велика разногласия мнений — и все же это столкновения внутри одного литературного круга, объединенного социальной общностью и испытывающего властную силу отталкивания от других литературно-общественных группировок своего времени.

Размер книги не позволил автору всесторонне рассмотреть избранную им тему; пришлось ограничиться лишь теми вопросами, изучение которых наиболее четко выявляет процесс консолидации пушкинского круга писателей и в то же время обнажает динамику идейных столкновений Пушкина и его литературных соратников. Самый существенный пробел — отсутствие глав о «Литературной газете» и альманахах писателей пушкинской ориентации. Исследование этих печатных органов — предмет особой монографии (или монографий); поэтому автор вынужден был оставить незаполненным этот пробел, лишь в самых беглых чертах наметив его первостепенное значение для раскрытия темы.